

Глава 15

Облако и грязь

Жизнь Те Хэнцю постепенно налаживалась. Удручало лишь одно: из-за «особой заботы» первого и четвёртого старших братьев ему пришлось всерьёз взяться за Искусство меча Сокрытого облака.

Раньше, когда его сторонились, он мог днём оттачивать основы в каком-нибудь углу, а по ночам втайне практиковать Искусство меча зимней сливы.

Теперь же, под «дружеским надзором» старших братьев, ему не оставалось ничего другого, кроме как усердно заниматься техниками школы.

Хоть Те Хэнцю и был одарённым и физически сильным, одновременное изучение двух совершенно разных стилей меча создавало огромное давление.

В итоге, достигнув определённого уровня совершенствования, он вовсе отказался от таких мирских дел, как еда и сон, чтобы выкроить больше времени на тренировки и... чтение романов.

Да, он готов был отказаться от еды и сна, лишь бы выкроить время на чтение!

Чем не одержимость знаниями, чем не неутолимая жажда чтения!

Разве любовь к бульварному чтиву и дурацким сюжетам — это не любовь к книгам?

Те Хэнцю, во-первых, не нравилось Искусство меча Сокрытого облака, а во-вторых, он хотел скрыть свою истинную силу, поэтому днём на тренировочной площадке его успехи в школьной технике были невелики, и он всегда плёлся в хвосте.

Но именно это и спасало его от лишних нападков.

Если бы он, ученик-чернорабочий, едва вступив во внутреннюю ступень, превзошёл бы старших братьев, это лишь добавило бы ему проблем. Нынешнее положение дел было идеальным.

Вот только Хэ Чуми, который занимался с ним, становился всё более придирчивым: «Секрет приёма „Облака сгущаются, облака рассеиваются“ — в том, чтобы „мягкостью одолевать твёрдость“. Я тебе сто раз говорил, даже обезьяна уже научилась бы этому движению!»

«...Ну так лети на гору Эмэйшань, брось меч какой-нибудь макаке и посмотри, зарубит она тебя или нет».

Те Хэнцю принял самый простодушный вид: «Простите, я слишком глуп, но я буду очень стараться! Старший брат, вы, должно быть, устали, я потренируюсь ещё немного в стороне».

Услышав это, Хэ Чуми досадливо скрипнул зубами и, развернувшись, сделал вид, что уходит. Однако, пройдя несколько шагов, он внезапно вернулся.

Сердце Те Хэнцю сжалось. Он подумал, что Хэ Чуми сейчас выхватит меч, чтобы прочить его, и невольно вжал голову в плечи, внутренне готовясь к защите.

Но, вопреки его ожиданиям, Хэ Чуми бросил ему флакон с Пилюлями для укрепления тела.

Те Хэнцю уже прошёл ту стадию, когда он подозревал бы, что в тысячетлетнем женьшене от Хэ Чуми окажется навоз. Теперь он с радостью принимал любые дары и с видом скромной невестки лепетал: «Это... это слишком ценный подарок...»

«Деревенщина, никогда ничего не видел, раз считаешь это ценностью? — презрительно хмыкнул Хэ Чуми. — Моя кошка такое есть побрезгует!»

«...А у вас кошка с изысканным вкусом».

Хэ Чуми отвернулся и, не пройдя и нескольких шагов, был остановлен Хай Цюншанем.

Тот с таинственным видом увёл Хэ Чуми за собой.

Те Хэнцю, заметив это, тоже облегчил шаг, скрыл свою фигуру и незаметно последовал за ними.

Хай Цюншань отвёл Хэ Чуми в безлюдное место и понизил голос: «Я смотрю, в последнее время ты очень заботаешься о младшем брате?»

Хэ Чуми на мгновение растерялся: «Раз... раз уж он прошёл испытание, значит, он наш соученик. Если его навыки владения мечом будут слишком плохи, это бросит тень на всех нас».

Хай Цюншань усмехнулся, но не стал развивать эту тему. «Я слышал, Юэ-цзунь забрал бронзовый колокольчик и собирается выяснить, почему туда прилетела Алая птица».

Услышав это, Хэ Чуми напрягся: «Юэ-цзунь? Разве он не отстранился от мирских дел? Зачем ему это расследовать?»

Хай Цюншань, глядя на панику Хэ Чуми, усмехнулся: «Действия Юэ-цзуня всегда непредсказуемы. Если он что-то раскопает, боюсь... ты же знаешь, Юэ-цзунь ни с кем не считается».

Хэ Чуми, конечно, знал, что Юэ-цзунь обычно ни во что не вмешивается, но если уж вмешается, то дело примет серьёзный оборот.

«Как думаешь... Юэ-цзунь... он что-нибудь найдёт?» — сердце Хэ Чуми забилося быстрее, он бессознательно сжал рукава.

Он дрожал от страха, и от его обычной надменности не осталось и следа.

Хай Цюншань мягко улыбнулся, осторожно разжал его сведённые пальцы и медленно разгладил складки на рукаве. «Не волнуйся, я всё подчистил. В итоге Юэ-цзунь ничего не нашёл и вернул вещь в Зал Правосудия на хранение».

Хэ Чуми наконец выдохнул, и его напряжённое тело расслабилось.

А Те Хэнцю, прятаясь неподалёку, всё видел и думал: «Хай Цюншань и впрямь тот ещё интриган. Так чисто сработал, что даже Юэ-цзунь ничего не нашёл».

Изначально Те Хэнцю надеялся, что Юэ-цзунь докопается до истины и отомстит за него.

Но раз уж не вышло, он был даже рад.

В конце концов, благодаря Хэ Чуми, он теперь каждый месяц получал столько первоклассных пилюль, сколько не было и в сокровищницах некоторых малых школ.

Если бы Юэ-цзунь действительно что-то выяснил и срубил это денежное дерево с ядовитым языком...

Уж лучше пусть всё остаётся как есть.

Для такого человека, как Те Хэнцю, так называемая «справедливость» никогда не была важнее реальной выгоды.

Пока он размышлял, его чуткий слух уловил тихий разговор Хай Цюншаня и Хэ Чуми.

Те Хэнцю тут же сосредоточился, прислушиваясь.

«Впрочем, нам пока нельзя расслабляться», — понизив голос, сказал Хай Цюншань.

Только что успокоившийся Хэ Чуми снова напрягся: «Что такое?»

Хай Цюншань, глядя на его испуг, словно на красивую, пугливую птицу, был в прекрасном настроении.

Он мягко улыбнулся и, словно успокаивая, коснулся его плеча: «Скоро откроется Тайное царство Терновника, и на этот раз отряд возглавит Юэ-цзунь».

«Юэ-цзунь! — сердце Хэ Чуми пропустило удар, его голос задрожал. — Но он же всегда в уединении, не вмешивается в мирские дела. Почему он вдруг решил возглавить экспедицию? Неужели это из-за нас...»

«Если бы он хотел расправиться с такими мелкими сошками, как мы, зачем ему такие сложности? — тихо сказал Хай Цюншань. — Вероятно, он отправляется туда, потому что, по слухам, в этом царстве находятся реликвии Юэ Лофу. Не только он, но и несколько других великих мастеров, которые когда-то были влюблены в неё, тоже прибудут».

Хэ Чуми немного успокоился: «Раз это не из-за нас, зачем ты так меня пугаешь? Нарочно?» — он сердито округлил глаза.

Хай Цюншань тихо рассмеялся: «Ну что ты? Я просто хотел напомнить, чтобы ты был осторожен в его присутствии и не сболтнул лишнего».

«Я не дурак!» — Хэ Чуми с обидой отвернулся.

Хай Цюншань с делано беспомощной улыбкой последовал за ним и мягко сказал: «Реликвия Юэ Лофу всего одна, боюсь, великие мастера устроят за неё битву. Когда боги дерутся, нам, простым смертным, лучше держаться подальше. Мы должны быть вместе и ни на шаг не отходить друг от друга...»

«Да знаю я... не маленький...» — рассеянно ответил Хэ Чуми.

Те Хэнцю, скрывавшийся в тени, всё видел, прикинул кое-что в уме и бесшумно исчез.

Хай Цюншань был хорошо осведомлён, и всё оказалось правдой.

Вскоре глава школы Юнь Сыгуй собрал своих личных учеников и объявил об открытии Тайного царства Терновника, которое на этот раз возглавит Юэ-цзунь.

И в этом царстве действительно собралось немало великих мастеров.

Те Хэнцю, глядя на их имена и сверяясь со списком персонажей из романа «Любимец Клана Сливового Пестика: миллион бессмертных любят твою матушку», наконец сопоставил их: «Ага, это тот злой и необузданный повелитель демонов... так, это тот аскетичный и холодный буддийский монах... о-о, а это, значит, тот милый юный король демонов-зверей... столько времени прошло, юный щенок уже превратился в старого пса. Поистине, как говорится, „сколько раз в мире ранят воспоминания о прошлом, а горы всё так же неподвижно лежат в холодных потоках“!»

Впрочем, за столько лет одна загадка так и осталась неразгаданной: матушка в «Миллионе бессмертных» — это определённо Юэ Лофу, но кто же отец в «Богиня прекрасна в одиночестве: дорогое дитя, к чёрту твоего отца»?

Ученики, наблюдавшие за битвой великих мастеров за реликвию Юэ Лофу, втайне задавались тем же вопросом: кто же отец Юэ-цзуня?

Они смотрели и так и эдак, но приходили к одному выводу: никто не похож.

И дело было не во внешнем сходстве.

А в том, что Юэ Бочжи взлетел и, не говоря ни слова, каждому из этих «старших» нанёс по удару мечом. С такой свирепостью, что становилось ясно: среди них нет его родного отца, а вот он для них — сущий праотец.

«Разве не говорили, что у Юэ-цзуня слабое здоровье? По-моему, он в прекрасной форме!» — шептались ученики.

Юэ Бочжи с мечом в руке, сияя клинком, заставил всех этих повелителей демонов, буддийских монахов и королей демонов-зверей принять оборонительную стойку.

Они не осмеливались относиться к нему как к ребёнку, в их глазах читалась настороженность, но в словах всё ещё звучал покровительственный тон: «Ладно, в память о твоей матери мы не будем сердиться за твою внезапную атаку. Но тебе здесь не место, уходи!»

Юэ Бочжи в белом одеянии парил в воздухе, его фигура была лёгкой, как бумажный змей: «У меня слабое здоровье, я не могу долго сражаться. Нападайте все вместе».

Услышав это, повелители демонов, монахи и короли демонов-зверей изменились в лице: «Ты... слишком самонадеян!» — воскликнули они, но в их голосах было меньше гнева, а больше смешанных чувств.

«Характером ты пошёл в мать. В таком скучном месте, как Школа Сокрытого облака, тебе, должно быть, совсем тоскливо? — повелитель демонов злодейски улыбнулся, но тон его был таким, будто он уговаривал ребёнка съесть конфету. — Приходи в Царство Демонов, я научу

тебя творить зло...»

«Амитабха, — прервал его монах. — Юный благодетель, не слушай его! Излишняя жестокость лишь навредит тебе. Лучше приходи в нашу обитель и обрети покой...»

Король демонов-зверей рассмеялся: «Один — демон, другой — монах, что они понимают в воспитании детей? Посмотрите на него, совсем больной. У меня сердце кровью обливается. Пойдём со мной, я отдам тебе внутренние ядра десяти тысяч демонов! Гарантирую, через три года будешь здоров!»

...

Видя, как великие мастера наперебой предлагают усыновить «праотца», ученики внизу сглатывали слюну, готовые тут же упасть на колени и назвать их приёмными отцами.

Но эта честь им не светила.

Они лишь задирали головы, с любопытством и нетерпением глядя на Юэ Бочжи.

Интересно, какого же папу он выберет?

Но Юэ Бочжи молчал. Одним движением он взмыл вверх и ударил ногой в сапоге, расшитом облаками, прямо в темя повелителю демонов.

Тот был не лыком шит. Защитная демоническая ци взорвалась, отбросив Юэ Бочжи назад.

Все уже было приготовились посмеяться над его юношеской горячностью, но Юэ Бочжи лишь сделал обманный манёвр. Лёгким прыжком он использовал защитную ци противника как трамплин и, развернувшись, нанёс удар по уязвимому месту буддийского монаха!

Свет меча хлынул, словно лунный свет, и толпа наблюдателей ахнула: «Невероятно силён!»

Те Хэнцю же не мог издать ни звука, он лишь смотрел, широко раскрыв глаза.

Он обожал эту сокрушительную красоту и ненавидел себя за то, что, сколько бы ни тренировался, не сможет повторить и трети отблеска этого удара.

Облака бурлили, как кипяток, и эта белая фигура металась среди вспышек заклинаний, прекрасная до дрожи.

«Раскрытие бутонов зимней сливы!» — узнал кто-то из учеников этот приём!

Те Хэнцю, конечно, тоже его узнал — тот самый, который он когда-то неумело пытался скопировать.

Юэ Бочжи парил в воздухе. Его меч двинулся, словно раскрывающаяся ветвь сливы, свет клинка стал подобен тычинке цветка. Движение — и холод пронзил воздух, тысячи лучей света меча расцвели серебряными тычинками. Куда бы ни доставало остриё, веяло леденящим холодом, словно с небес повалил густой снег, окутывая всё белой, торжественной тишиной.

Мечи всех присутствующих мечников задрожали в ножнах, издавая благоговейный гул, волнами расходившийся вокруг, словно они преклонялись перед высшим искусством меча.

Те Хэнцю мёртвой хваткой сжимал вибрирующие ножны, тщетно пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

Его уровня совершенствования не хватало даже на то, чтобы ясно разглядеть движения меча Юэ Бочжи.

Ослепительный свет заставил его опустить глаза, и его взгляд упал на перепачканные грязью носки сапог.

Он горько усмехнулся: «Вот оно, „разница между облаком и грязью“».

Не то что следовать за ним, даже просто смотреть на него — больно глазам.

<http://bllate.org/book/16975/1584465>